

4050605 4-2105

Новый Восток Журнал

Всероссийской Научной Ассоциа-
ции Востоковедения при Народо-
вом Комиссариате по делам
Национальностей

Под редакцией М. Павловича
(Вальмана), Г. У. Гройдо,
проф. И. П. Бороздина, С. У.
Духовского, В. А. Гурко-Кряжнина

Nouvel Orient

Revue de l'Association Russe
pour les Etudes Orientales
Rédacteur en chef
Michel Pavlovitch

Новый Восток Журнал

Земледелие и ирригация Хорезма в связи с вопросом экономического объединения Средне-Азиатских Республик¹⁾.

Хорезм в земледельческом отношении разделяется на следующие районы: 1. Район южной и центральной части страны (Питняк, Хазарасп, Хива, Ханки, Новый-Ургенч, Гурлен, Ташауз). Это прежде всего наиболее густо населенная территория, с совершенно устойчивым и наиболее интенсивным земледелием, менее всего разрушенным военными и революционными событиями. Этот район также наиболее благоустроенный в ирригационном отношении, но, к сожалению, относительно худший по качеству почвы. 2. Район средней части Хивы и Туркменской земли (Тахта-Базар, Ильялы, Мангит, Порсу, Куна-Ургенч, Ходжейли). Это — район полустойчивого и переложного земледелия, с более разбросанным населением, с нерегулярной и недостаточной ирригацией. Как район, преимущественно занятый туркменским населением, он более всего пострадал от военных событий. Земледелие этого района пришло в несомненный упадок и сейчас еще, благодаря постоянной тревоге за безопасное и спокойное существование, почти не восстанавливается. Значительная часть туркменского населения находится в состоянии постоянной боевой готовности, и в любой момент готова покинуть пашни. Благодаря этому, пашни не обрабатываются, как следует, прочные усадьбы не заводятся, а домашний скот не умножается. 3. Северный район, с Кунградом в центре, живет своей особенной жизнью; земледелие разбросано и экстенсивно, на половину перемешано с кочевым скотоводством. Правильная ирригация развита слабо. Военно-революционные события принесли небольшие разрушения оазисам постоянного земледелия, мало затронув переложное и скотоводство.

Действительная посевная площадь Хорезма, при отсутствии со стороны правительства какого-либо статистического учета, точному определению не поддается. Однако, совокупность всех полученных мною данных приводит к цифре от 400 тысяч до полумиллиона десятин. Большинство литературных источников по Хиве дают меньшие цифры — от 200 до 300 тысяч десятин. Эти цифры, повидимому, преуменьшены, так как сплошь да рядом не учитывались ханские земли, полностью вакуфные и туркменские.

Сухого земледелия в Хиве нет, так что посевная площадь совпадает и с орошаемой, однако, степень и регулярность орошения для разных районов крайне различна.

¹⁾ В распоряжении редакции имеется ряд статей по экономике Хорезма, которые будут помещены в следующих №№.

Что касается состава культур и соотношения их по площади, то за последние годы произошли серьезные изменения. Теперь картина представляется, приблизительно, в следующем виде:

	Теперь.	До революции.
Хлопка американского		
Джугары	23 %	17 %
Пшеницы	17 %	15 %
Люцерны на сено	10 %	13 % и семя
Рису	5 %	4 %
Машу	2 %	2 %
Кунжуа	3 %	0,5 %
Говач (туземный хлопок)	10 %	2 %
Бакчей	10 %	10 %
Перелог	10 %	2 %
Разн. культур (в том числе краска руян, табак и др.)	10 %	10 %
	100 %	100 %

Характерно полное исчезновение из севооборота американского хлопка и семенной люцерны, имевших огромное экономическое значение раньше и до войны прогрессивно развивавшихся каждый год. С другой стороны, нужно указать на несомненный рост посевов туземного хлопка, который свободно обращается на рынке, и из которого вся Хива теперь готовит ткань (мату).

Земледелие южного и центрального районов наиболее пострадало от уменьшения рабочего и пользовательного скота. По уверению старожил, количество рабочего скота уменьшилось на 30 %, крупного рогатого скота—на 40 % и даже 60 %, мелкого рогатого скота (преимущественно овцы)—на 20—25 %. Уменьшение шло, главным образом, за счет пользовательного скота, содержащегося ради удобрения; уменьшение собственно рабочего скота значительно слабее, так что можно утверждать, что земледелие Хорезма рабочим скотом относительно обеспечено.

В связи с некоторыми особенностями землепользования и наличием сельского безземельного или малоземельного пролетариата, судьбы которого революция несколько не коснулась, рабочими руками земледелие вполне обеспечено даже для значительно большей интенсивной культуры.

Общие запасы продуктов сельского хозяйства, за исключением хлопка и семян люцерны, сейчас, несомненно, возросли и имеют тенденцию увеличиваться. Из Хивы вывозятся даже такие хлебные продукты, как рис, джугара, пшеница.

Все земледельческое хозяйство в прежнее время, в связи с развитием хлопководства и спроса на люцерновое семя, имело тенденцию стать товарным; теперь же, наоборот, почти всюду можно констатировать самую крайнюю степень натурализации хозяйства.

К общим чертам хивинского земледелия, в особенности южных и центральных районов, нужно отнести его крайнюю примитивность, основанную исключительно на элементарном ручном труде, и колоссальную трудоемкость. Примитивность выражается в полном отсутствии усовершенствованных конных и тому подобных методов обработки, отсутствии машин и приспособлений по очистке и переработке продуктов (семян), в полном отсутствии рядовых посевов. Колоссальная трудоемкость обусловлена, главным образом, низким плодородием в массе засоленных и подтопленных грунтов фильтрабионными водами почв. В южном районе и в большинстве мест центрального, как правило, нужно считать ежегодное удобрение поля под каждую из засеваемых культур. Насколько это последнее обстоятельство серьезно, можно судить хотя бы по тому, что нормально держалось тройное, четверное количество рогатого скота против рабочей потребности, исключительно ради навоза. На удобрение используется все, что может так или иначе быть названо удобрением; нередко даже применяется свозка определенного слоя земли с поверхности полей и замена новым слоем, набираемым из илистых осадков по дну крупных арыков.

В связи с этим обстоятельством стоит, по моему мнению, разрешение спорного вопроса об избытке или недостатке годных под культуры и могущих быть теперь же орошенными посевных земель. Действительно, фактически площадь, отнесенная к среднему семейству, дает весьма малые цифры ($1\frac{1}{2}$ —2 десятины); безземельного и малоземельного сельского пролетариата много. Вместе с этим, можно встретить рядом с самым интенсивным районом, каким является, например, Ханки, земли, явно доступные орошению из существующих каналов, не засеваемые и необрабатываемые. При внимательном ознакомлении с этим вопросом, приходится заключить, что все дело в качестве почвы и в том непосильном количестве труда и удобрений, какой нужно затратить на возделывание. Сплошь да рядом участок земли, отстоящий от усадьбы на 5—7 верст, при данных условиях, оказывается невыгодным и непосильным для обработки.

В результате революции около 200 тысяч тананов (цифра крайне приблизительная) или 70 тысяч десятин земель, принадлежавших роду хана и его приближенным, были национализированы (других существенных изменений в область земельно-правовых отношений внесено не было). Однако это несколько не помешало массе таких национализированных земель оставаться совершенно неизвестными правительству и—что важнее всего—сохранению прежних отношений между бывшими владельцами и арендаторами. Совершенно не затронутыми оказались вакуфные земли, которые, по местным подсчетам, составляют около двух третей всей обрабатываемой земли. Формы вакуфных обложений крайне разнообразны, но факт тот, что эта «десятина Божья» в отдельных случаях достигает чудовищных размеров, около половины всего возможного урожая с земли. Политика революционного правительства в отношении вакуфов не была достаточно твердой. С одной стороны, была взята линия полного изъятия всяких вакуфных дел и тяжб из сферы ведения государства, в результате чего уже начался стихийный распад вакуфов, с другой же стороны, все вакуфные земли новым декретом о продналоге были

освобождены от такового; наконец, теократия, обеспокоенная за свое благополучие, стремится заинтересовать правительственные органы в сборе вакуфных доходов, предоставлением известных процентов с них.

Остальная часть земель составляет «мюльк», или свободную частную собственность. Этих земель в Хорезме меньше всего.

Чрезвычайно бросается в глаза отсутствие точного учета и правильной фиксации землевладений в то время, как все основные налоги и повинности исчисляются с земельной единицы «абхор» (10 танашов). Это создает громадную несправедливость в отношении малоимущего населения, явный убыток правительству и порождает массу злоупотреблений. Одной из форм последних, между прочим, является массовая фабрикация вакуфных документов (вакуф-нама) и мюльковых— («казухат»; об этом приходилось много слышать в связи с национализацией земель и привилегиями вакуфов.

Если не стоять на формальной точке зрения, то нужно прийти к выводу, что крупным частным землевладением Хорезм не отличается. Суть дела в том, что в земледельческом быту еще довольно прочно держится родовое начало; таким образом, можно встретить примеры, когда на формально-крупном землевладении, носящем имя старшего в семье, фактически сидит и работает семья до 100 душ, связанных родственными и тому подобными узами. Наиболее малоземельным районом надо считать район Хазарасп, Ханки, несколько слабее—район Хивы, Нового Ургенча. Изобилием земли отличается туркменский район, где даже нет измерения земли в точных границах, а владения определяются или количеством высеванных семян или единицей «чигарак»—около 60 танашов, то-есть 20 десятин.

По сравнению с Туркестаном, например, арендное и субарендное землепользование распространено мало, если не считать ханских земель, использовавшихся преимущественно этим способом. Причины лежат для густо-населенных районов в малоземельи и крайней трудности обработки, для прочих районов, наоборот, в наличии свободных и сравнительно легче обрабатываемых площадей.

Условия чайрикерства тоже, пожалуй, в сравнении с Ферганой, например, носят менее кабальный характер, и ставка доли урожайная ниже.

Положение земледельческой массы, на плечах которой лежит вся тяжесть содержания госаппарата, продолжает оставаться тяжелым. Ирригационная повинность в связи с залуженностью оросительных систем за время войны и анархии, требует громадного напряжения со стороны земледельца. Прибавилась новая и крайне тяжелая повинность—арбяной налог, который, вместо 10 законных дней с одного абхора (10 танашов), достигает 20—30 и более дней районов с наиболее оживленным движением. Арбяной налог выполняется по распоряжению центральных властей и местного шура (волостного) или начальника охраны. Последней сессией Хорзика арбяной натуральный налог заменен денежным, имеется в виду организовать казенный транспорт.

Систематического плана землеустройства и землепользования не выработано. Национализированные ханские земли разделяются, прежде всего, на 2½ танаша

семьям красноармейцев, отбывающих службу в войсках, затем от 2 до 10 таналов лицам, подавшим заявление о своем безземельи или крайнем малоземельи, при условии представления документальных о том доказательств; в незначительном количестве наделены землей киргизы Хазараспского и Питняжского районов. При этом, конечно, бывают и злоупотребления: некоторым ответственным и безответственным госработникам удалось получить себе наделы.

Состояние животноводства в общих чертах представляется в следующем виде. Самый важный в отношении промышленного скотоводства, северный район, с центром в Кунграде, свою производительность уменьшил лишь постольку, поскольку за время революции был уменьшен спрос внешним рынком—Казалинском, Оренбургом, и внутренним рынком, вследствие разрушения кожевенных заводов. Район этот по-прежнему богат скотом и может быть интенсифицирован.

В чисто-земледельческих районах, как я уже отметил, произошло уже значительное сокращение пользовательного скота и лошадей, обусловленное войной и вызванным ею экономическим кризисом в связи с нарушением правильного денежного и товарного оборота и перенесения относительно наибольшей тяжести налоговой и натуральной повинности на земледельцев. Каракулевый район Питняка и Хазараспа значительно (процентов на 40) сократил свою производительность, исключительно благодаря военным событиям, которые, с одной стороны, уничтожили часть стад, с другой—прекратили возможность выпаса овец в Кара-Кумах.

Все же сейчас из Хорезма усиленно притекают в Бухару верблюды и лошади.

В отношении интенсификации и улучшения животноводства, сохранения лучших пород, как например, несомненно, погибающей иомудской лошади, в отношении ограждения от эпизоотии и тому под. пока что ничего сделано не было.

Как уже замечено, площадь орошения для Хорезма совпадает с площадью обработки. Вся южная и центральная часть орошается системой постоянных каналов, выведенных из Аму-Дарьи и ее рукавов. Район этих каналов может быть разбит по характеру и технике орошения, примерно, на три части. Верхняя по каналу (где канал плохо выводит воду на поверхность) обслуживается колоссальным количеством водопроводных чигирей, приводимых в движение иногда водяной, а преимущественно животной силой. Средняя часть крупных каналов (конечно, далеко не всюду такое деление в точности совпадает) обслуживается преимущественно правильным орошением; наконец, низовья каналов, по которым, между прочим, расположены преимущественно туркменские земли, орошаются не вполне регулярно и надежно, имеют и чингири, и самостоятельные распределители и простое лиманное орошение затоплением. Вторая характерная область — это северная часть среднего Хорезма и северный Хорезм. Здесь правильных постоянных больших каналов нет, орошение основано преимущественно на использовании многочисленных рукавов и протоков Аму-Дарьи и огромного количества озер.

Орошение не носит регулярного и постоянного характера, и сама техника крайне примитивна, сводясь к массовому затоплению полей перед посевом, без всякой уверенности в возможности повторения полива за время вегетации.

Наибольшего внимания, конечно, заслуживает область крупных каналов (Палван-Ата, Хазарат, Шехабад, Ярмыш, Клыч-Нияз-Бай, Барбялык и др.), к тому самая крупная по площади орошения (примерно, 85—90%). По внешним размерам и протяженности хивинские каналы могут быть сравнены только с такими, как Шарихан и Андишансай в Фергане, Голодно-Степский канал, Зах, Бозсу в Ташкентском районе и тому под. Правда, условия протекания этих каналов совершенно отличны—ровная местность, слабые уклоны, илисто-песчаный, легко размываемый грунт и т. п. Головы всех основных каналов расположены по берегу Аму-Дарьи, начиная от Питняка, не более, как на протяжении 100 верст. К характерным особенностям их следует отнести полное отсутствие каких-либо искусственных регуляционных сооружений на каналах, несмотря на огромные расходы (5—7 куб. сажен в секунду), чисто туземный тип начертания в плане и профиле, исключительно большую затопляемость в начальных участках, неустойчивость и частую смену головных приемников, которые представляют из себя прорытый прямо в реку под прямым или тупым углом канал. У некоторых каналов имеется по несколько приемников, сходящихся в одно русло, например, у Палван-Ата их пять; у всех решительно имеется целая серия заброшенных головных русел, которые перестали действовать или в силу крайнего затопления или в силу ухода Аму-Дарьи. В силу топографических условий, все они очень плохо командуют над местностью, поэтому их правильнее было бы даже назвать подводящими руслами для бесчисленного количества чигирей, днем и ночью выкачивающих воду на поля. Сбросами главные каналы оборудованы только в головной части и то не все. В среднем и нижнем течении весь избыток вод, а он бывает крайне велик, идет на понижение поля, бесчисленные болота и озера, являясь основным фактором, губящим не только земледелие, но и население страны. Грунтовые воды настолько высоки, что даже самый простой декханин прекрасно знает, как они вредят урожаю и насколько больше можно получить продукта от земли — при всех прочих равных условиях — в тех местностях, где подтопа грунтовой воды нет. Связанное с этим развитие солончаков огромно. Можно категорически утверждать, что добрая половина всего земледельческого труда идет на борьбу с вредной водой, болотами и солончаками. О развитии малярии говорить не приходится — получается впечатление, что население медленно, но верно вымирает от малярии и разных болотных болезней. Затем само собой разумеется, что большая площадь земель, сплошь да рядом вкрапленная в гущу интенсивной жизни, занята болотом и водой, а не полезной культурой. Это есть основной и самый вопиющий недостаток хивинской ирригации. Затем ирригационные каналы, неся животворящую влагу, ежегодно, во время подъема вод в Аму-Дарье, не имея никаких регуляционных сооружений и достаточных сбросов, приносят немало бед, бурно, неожиданно затопляя поля, кишлаки и города. Не имея соответствующих технических средств и знаний, к этому явлению здесь как-то привыкли и мирятся с тем, что тот или иной район, город, кишлак сидит месяца полтора ежегодно в наводнении. Борьба ведется путем устройства защитных дамб. Вообще, защитные от наводнения дамбы и валы в Хиве играют главную и необ-

ходимую роль в водном хозяйстве после сети каналов. Так как сама Аму-Дарья при паводках летом и при ледяных заторах зимой ежегодно угрожает наводнением огромным культурным площадям, то вдоль берега реки, протяжением более чем на 250 верст, выстроен сплошной ряд защитных дамб, составляющих такой же предмет ежегодных забот, как и каналы. Местами проведены двойные дамбы. Вдоль некоторых крупных каналов выстроены такие же дамбы.

Хивинские ирригационные системы действуют только летом, с апреля по октябрь, а на зимнее время все головные русла закрываются одной—двумя, тремя земляными перемычками, и открываются сбросы в реку. К следующей основной черте хивинской ирригации приходится отнести ее заплываемость и, следовательно, эксплуатационные расходы. Ни в одном уголке всей Средне-Азиатской России население не кладет столько труда на поддержание и ремонт своих каналов, как в Хорезме. По закону, каждый владелец одного су или абхор, т. е. 10 танашов земли, обязан ежегодно работать от 12 до 15 дней на общественных работах по ирригации. При чем эти 12—15 рабочих дней не рассматриваются, как скользящая повинность в зависимости от местных потребностей; это рассматривается, как обязательный государственный налоговый фонд, который государство вольно использовать где угодно и как угодно. Вследствие подобной принципиальной постановки, в ханские времена установился было довольно любопытный обычай получать экономию на ирригационных работах и употреблять ее для постройки дворцов, медресе и т. п. Путь этот оказался настолько скользким, что к концу ханского владычества ирригация явно приходила в упадок.

В 1920 году закон, вернее обычай, о натуральной повинности (казу)—был полностью восстановлен; в настоящее время можно констатировать, что за революционный период состояние ирригации Хорезма значительно улучшилось, получаемая экономия трудового натурального бюджета идет на прогрессивное развитие водного хозяйства. Так, в прошлом году была проделана поистине колоссальная работа по сплошной починке всех береговых дамб и по постройке около 50 верст новых. Конечно, говоря о прекрасном теперешнем состоянии ирригации южной и центральной Хивы, не приходится забывать, что все это можно утверждать только с точки зрения чисто туземного типа ирригации и тех местных сил, знаний и средств, какими обладает самобытная средневековая жизнь Хорезма. Нельзя не отметить крупных заслуг в деле хивинской ирригации талантливого самородка-техника и наиболее авторитетного знатока этого дела Хаджи-Бай Амин Этдинова, стоящего во главе водного хозяйства. Основные ремонтные работы производятся раза два в год: осенью, после закрытия или во время закрытия каналов, и весной, в марте месяце перед открытием. Осенние работы заключаются, главным образом, в починке защитных дамб и в проведении новых арыков, если таковые намечены. Немалую долю работы составляет устройство закрывающихся на зиму земляных перемычек в головных частях каналов и расчистка зимних водосбросов на случай зимних наводнений. Осенние работы не носят строгого постоянного характера, и количество затрачиваемых дней по годам колеблется. Но, например, в прошлом 22 году осенью при капитальном ремонте дамб было затрачено до 20 рабочих дней на

«абхор». Иногда, в случаях чрезмерного замеления, производится частичная осенняя очистка, чтобы пропустить воду для поздних поливов.

Весной работы «казу» строго определены—это коренная очистка магистралей, причем выбрасываются многие тысячи кубов земли, исправление или подведение заново подводящих русел и разборка зимних перемычек. Эти работы в среднем отнимают 10—12 дней на «абхор».

В случаях катастрофических—прорывы, наводнения—население привлекается к работам вне всякой нормы «казу». Организация проведения работ на хивинских системах, вообще, включает в себе много интересных особенностей. Не будь того жестокого закона и обычая, который позволяет бросить на ту или иную работу сразу по несколько тысяч рабочих рук, и, с другой стороны, довольно стройной организации самих работ, дающих хотя и подневольную, но серьезную интенсивность труда, конечно, своими техническими средствами хивинский народ не справился бы с природой. Очередного водопользования хивинцы, вообще говоря, не знают. Только в отдельные годы по низовьям каналов осенью устанавливается временная очередь, которую устанавливает и определяет по заявлению населения местный техник (арык-диван). Отсутствие очередности в водопользовании объясняется не только тем избытком воды, который действительно забирается в каналы и отбрасывается в озера и болота, но и массовым употреблением водоемных чигирей на полях. Хивинский чигирь—это тяжелое изнуряющее ярмо на шее земледельца. По местным условиям, считаясь с материалами и техникой, чигири делаются весьма примитивно, с ничтожной производительностью и колоссальным вредным сопротивлением. Каждый из доброй половины всех хивинских земледельцев, примерно, на каждые 2—3 десятины земли должен дергать в течение всего поливного сезона на непрерывной работе чигирия (нередко и днем и ночью) одну или двух лошадей или верблюдов и одного человека. Можно себе представить, какой наглядной и денежный трудовой расход получается благодаря несовершенству оросительных систем.

Вся хивинская ирригация в нормальное время обслуживается всего 9-ю лицами постоянного служебного персонала: завед. Отд. Водного Хозяйства—1, его заместитель—1 (оба туземных специалиста), европеец-инженер (диван)—1 (разрывается по разным другим поручениям и менее всего по ирригации. С ирригацией, как с таковой, не знаком), управдел-перешисчик—1, арычные диваны (по нашему технику)—5. Всего 9 человек. Этот штат выполняет всю текущую официальную работу, составляет отчеты по работам, сметы и предположения—все, конечно, крайне примитивно. Постоянная охрана и надзор лежат на населении и на мирабах, которых до 150 человек, выбираемых населением; все их вознаграждение—освобождение от непосредственной работы—«казу». Таких должностей, которые оплачиваются только освобождением от «казу» довольно много: сторожа голов, важных узлов, сбросов, плотин и т. п. Помимо постоянного штата, имеется еще временный, на время осенних и весенних работ, состоящий на строгом учете водного отдела и мобилизуемого в нужное время. Это диваны-техники; их около 40 человек получают жалованье во время работ от правительства; роль их строго

техническая. Роль Сахибов—их по одному на каждую крупную работу—административная—по взысканию и привлечению—и хозяйственная. Имеются еще есаулы или сотники—по одному на каждую сотню рабочих; выбираются самими рабочими; получают с них же жалование (около 15 копеек серебром с одного); роль десятника и надсмотрщика—ответственность за доставку людей. Мирабы и десятники без жалованья, с ролью десятников и старших рабочих.

Все управление и политика в области земледелия, ирригации и соприкасающихся отраслей сосредоточено в одном назирате земледелия (Зираат-назир).

Во главе назирата стоит назир, три члена коллегии (из них один вышеупомянутый Ходжи Бай-Амин-Этдинов, занимающийся исключительно водным хозяйством).

В состав назирата входят, кроме общего и хозяйственного, следующие отделы. 1) Землеустройство. В ведении его находится учет казенных национализированных земель и раздача их (то-есть землеустройство), раздача отобранного при разных обстоятельствах скота, технический разбор земельных споров, с помощью «инженеров» и четырех тананчи; арбяной налог (учет и выдача нарядов, главным образом, в пределах города Хивы); заведывание национализированными ханскими садами. 2) Отдел одного хозяйства. 3) Отдел тугаев и озер. Занимается сдачей в эксплуатацию озер, камней и тугаев, охраной лесов, наблюдает за правильностью эксплуатации названных угодий и заготавливает топливо для центральных учреждений. Роль его пока еще очень слаба. 4) Продовольственный отдел. Занимается исключительно сбором продналога, хранением его и передачей по назначению. Кстати, несколько слов о продналоге (салагит). До 1921 года продналога в Хорезме не существовало. С лета 1921 года был введен продналог, со всех засеваемых земель по норме, из расчета 1/10 урожая каждой культуры. Благодаря плохой организации и прочим естественным причинам, сбор этого продналога пошел необычайно туго, и поступления оказались ничтожными. В 1922 году на 3-м курултае, во изменение прежнего продналога была установлена новая твердая норма, а именно: с каждого танана засеянной земли 20 фунтов пшеницы, 20 фунтов джугтары и 20 снопов клевера (весом не менее 2 фунтов). При этом вакуфы от продналога были освобождены. Эта норма значительно легче предыдущей. Сбор налажен лучше, хотя к декабрю 22 года была собрана только половина зерновых и весь клевер. Колоссальная разница между продналогом, взимаемым на правом берегу Аму-Дарьи, в Аму-Дарьинской области, и продналогом Хорзема порождает массу глухих разговоров на первом. Расходуется продналог почти исключительно на армию, пайки служащим и немногие интернаты. Смет и планов расходования нет. 5) Вакуфный отдел. Ведет учет и регистрацию всех вакуфных документов и земель, что, между прочим, очень важно и необходимо, и дает свои заключения при разных земельных вопросах с точки зрения принадлежности или непринадлежности вакуфам. В теперешнем составе отдел, несомненно, является боевым органом в политике с вакуфами. 6) Каючный отдел. Ведает исключительно эксплуатацией двух десятков каюков, принадлежащих назирату. Кроме того, непосредственно в ведении замназира земледелия находится городская электрическая станция в Хиве.

Изложенное выше является как бы материалом, по которому можно сделать конкретные выводы об экономическом объединении республик, обусловливаемом лишь одной взаимной заинтересованностью народов.

Разведение хлопка, являющегося для Хорезма основной ценностью для обмена с внешним рынком, его реальной валютой, сейчас находится в полном упадке. Хивинский хлопок является лучшим хлопком всей нашей Средней Азии. Качества его выделились исключительно благодаря местным климатическим условиям, так как семена были обычные привозные—американские. До сих пор в Хорезме ни разу не ставился вопрос о систематическом изучении причин, влияющих на улучшение его качества и о дальнейших возможностях в этом направлении. Ни одного серьезного специалиста-селекционера в Хорезме не работало, ни одной опытно-научной станции, двигающей науку и культуру местной жизни, не существовало. Можно категорически утверждать, что своеобразие местных почвенных и климатических условий в результате научно-селекционной и культурно-практической работы среди населения даст возможность выработать стандартные превосходные сорта хивинского хлопка, который займет исключительное значение в текстильной промышленности.

Как уже указывалось выше, земледельческая культура южной и центральной части Хорезма необычайно тяжела и примитивна, а урожайность по сравнению с более северными или менее подтопленными районами понижена от нескольких процентов до нескольких крат. Уменьшение невероятной трудоемкости хивинского земледелия и увеличение общей урожайности развертывает широкие перспективы перед страной и поднимает ее значение в общем организме РСФСР. Пути разрешения этой проблемы ясны:

Нужно облегчить задачу удобрения земель, по возможности, заменив наваживание сотен арб на танап арычного песку, ила или выветренной земли, многих десятков арб камышу, соломы, буяну (стебли солодкового корня) и навоза более концентрированными и рентабельными минеральными удобрениями. Отдельные опыты производились: фосфоритные, калийные, кровяно-костные удобрения давали блестящие результаты. Больше того, по уверению местных деятелей, на правом берегу, где-то около Чимбая, имеются местные фосфоритные залежи. Хотя по общим условиям таковых трудно здесь ожидать, однако надо бы обследовать. Селитрянные соли имеются безусловно, так как туркмены прекрасно делают домашний порох.

Следует улучшить обработку почвы и продуктов. Эта задача, хотя также является непочатой и для Туркестана, тем не менее для Хорезма она стоит острее и легче разрешима. Необходима организация опытных показательных участков с демонстрацией рядовых посевов и конных пропашных и других орудий. В этом отношении целый ряд влиятельных лиц готов предоставить свои поля и дать личный пример. Нужны молотильные и зерноочистительные машины простого типа. Их особенно и агитировать не придется. Требуется только организовать доставку и распределение.

Хорезмский пазираг земледелия этой задачи пока себе совершенно не представляет, а в малой стране с громадной дисциплинированностью масс в отношении выполнения общественных работ и влиянием отдельных лиц—пусть и то и дру-

гое является тяжелым наследием ханства,—эта задача должна быть поставлена: культурные мероприятия привьются легко и быстро.

Наконец, самый важный и решающий путь: нужно мелиорировать полузасоленные и засоренные земли, высушить и закальматировать озера и болота и избавить от чигирей. Результатом будет повышение урожайности полей до двухсот процентов, освобождение рабочих рук, расширение площади посевов, в особенности под наиболее ценными культурами—хлопком и семенной люцерной. Все это упирается в мероприятия по водному хозяйству.

Из характеристики ирригации можно было видеть ее коренные недостатки, несмотря на общее благополучие. Укажу только самые конкретные меры, подлежащие осуществлению.

Первоочередной задачей является проблема сброса всех тех избыточных от наводнений и каналов вод, которые заболачивают и подтапливают здесь наиболее густо населенный Хорезм. Разрешение этой задачи местными силами намечено совершенно правильно и реально. Это—проведение по всей южной и западной границе густо населенного Хорезма через самые густые скопления озер, в низовьях всех крупных систем, начиная от Питняка и кончая Чермен-Ябом, большого канала. Канал этот по протяжению более, чем 150 верст—должен играть роль осушительного коллектора и сброса, а затем, выходя, примерно, по древнему руслу Чермен-Яба может стать крупнейшим оросительным каналом на огромном пространстве хороших туркестанских земель. Сам по себе он произведет громадное осушение и даст выход для всех последующих осушительных и дренажных работ. Местные деятели и население настолько усвоили себе идею этого канала, что категорически заверяют, что могли бы ее осуществить одной трудновинностью. Однако, при более близком и спокойном обсуждении, приходится констатировать, что без правильных технических изысканий и технической помощи, а, по моему, и некоторой финансовой ссуды приступать к работам нельзя. То, что этот проект можно осуществить в 80 % стоимости натуральной повинностью, не подлежит сомнению. Мною делалась прикидка тех расходов, какие нужны для предварительных изысканий и правильного технического освещения вопроса, с тем, чтобы потом можно было частично приступить к работам—всего требуется около 20.000 рублей золотом.

Столь же необходимым, но менее усваиваемым местным населением мероприятием является опшлюзование хотя бы магистральных каналов—это прежде всего опрадило бы от наводнения и потопления избытками грунтовой влаги. Кроме того, специально сконструированные головные шлюзы, несомненно, уменьшили бы заиляемость каналов и эксплуатационные работы. Устройство шлюзовых сооружений, а в некоторых случаях перетросировка каналов в значительной мере увеличила бы площадь полного самотечного орошения и избавила бы от чигирей.

Следующим этапом технического усовершенствования явилась бы перепроектировка голов всех главных систем. Всмотреваясь в расположение их и характер местности, приходишь к мысли об одном общем приемнике из Аму-Дарьи Уташ-Саки в твердом глинистом-сланцевом берегу и питании всех остальных си-

стем одним большим каналом параллельно берегу рек. Это сняло бы добрых 50—60 процентов, если не более, работы по очистке и дало бы наиболее устойчивое водопользование.

Независимо от двух последних работ должны быть правильно и систематически развернуты работы по устройству мелких водосбросов и сбросов и по кальматажу озер и болот. Эта работа значительно легче и проще предыдущих, и она даже частично ведется. Ходжи-Бая дошел до большого искусства в кальматировании и войне с рекой; я видел собственными глазами закальматированные и кальматизирующиеся озера; огромную площадь прекрасной земли, отвоеванную в прошлом году от реки дамбами, такую же площадь вверх Палван-Арыка, подвергаемую ежегодному кальматажу, при высоких горизонтах в реке.

Только во всей этой работе чувствуется примитив и его сопротивление; правильные технические изыскания и постановка совершенно изменили бы темп и порядок работы.

Конкретизируя непосредственную связь ведомства земледелия и водного хозяйства Хорезма, Туркесреспублики и РСФСР, я полагаю бы, что эта связь должна установиться: по линии общего плана культурных мероприятий и земельно-водной политики путем согласования всех основных вопросов через средне-азиатский экономический совет и путем единого источника и метода финансирования культурных и восстановительных работ по ирригации и земледелию. Необходим единый план основных принципов и методов земельного и водного налогов, натурповинности и возврата государству затраченных средств. Кроме того, следует проводить планомерное использование водоземельных ресурсов, технического хозяйства и оборудования и технических сил и оказывать инструкторскую организационную помощь Хорезму со стороны более культурных и сильных союзников, путем посылки туда доброторядочных квалифицированных сил.

К. ЗУБРЕК.

